

ГРИГОРИЙ ЛЬВОВИЧ ТУЛЬЧИНСКИЙ

Профессор Санкт-Петербургского Государственного Университета культуры и искусств, доктор философских наук.

Постоянный автор альманаха.

E-mail: toulch@gt1263.spb.edu

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ: НАСИЛИЕ ИЛИ ЖИЗНЕННАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ?

Цивилизационный прорыв, определяющий лицо современного мира, все его достижения, перспективы и проблемы, обусловлен, прежде всего, «встречей Афин и Иерусалима» – синтезом двух великих идей: иудейского монотеизма и греческой логики.

Действительно, сознание того, что мир сотворен единой волей по единому разумному замыслу, и что человеку даны интеллектуальные средства и способности постижения этого замысла, Логоса как рациональной идеи, мысли, закона мироустройства – ключевой момент для понимания, почему именно в лоне иудео-христиано-исламской традиции стали возможны возникновение научных методов, научно-технический прогресс. Сначала для оттачивания логического инструментария в теологических спорах, изощренного анализа и толкования священных текстов. Затем пришло осознание возможности вопрошать не только тексты, но и саму природу, пытаться ее (о-пытное знание). Неспроста возникновение науки, scientia, как опытного знания, и разгул Инквизиции, охота на ведьм – процессы одновременные. От этого оставался только один шаг до отбрасывания «гипотезы Бога» и перехода к деятельности не только познавательной, но и преобразовательной. Со всеми вытекающими отсюда последствиями: от грандиозных научно-технических достижений до экологических катастроф и нравственного человекобожеского самозванства.

Обычно вклад рационализма и его главного детища – науки в развитие цивилизации связывается с научно-техническим развитием. Действительно, лицо современной цивилизации – производства, сервиса, коммуникаций, бытовых условий, здравоохранения и т.д. – определяется именно и прежде всего возможностями, представленными наукой и техникой.

Однако, не менее важен, хотя, возможно, и менее очевиден, вклад идеи рациональности и науки в нравственную и даже политическую культуру. В данной работе предпринимается попытка обозначить главные компоненты этого вклада, кратко обрисовать их содержание и перспективы.

Самодурство рациональной эффективности: насилие или свобода воли как воля к неволе

Наше время осознает себя эпохой практики и экспериментов, когда плоды просвещения, великих замыслов в науке и нравственности, политике и экономике, стали реальностью. И эта реальность во все большей степени выражается и осознается как кризис: экологии, демократии, нравственности, науки, искусства и т.д. Нынешняя цивилизация чревата экологическими проблемами, технологиями, угрожающими жизни человечества, породила уродливые репрессивные политические режимы. Не случайно для современной философии характерна трактовка рациональности как источника насилия.

Знание – одно из средств обоснования деятельности, шире – жизни. Лишь будучи соотношенным с контекстом конкретных потребностей, надежд, возможностей, оно становится идеей, то есть программой действий, вокруг которой организуются социальные общности, в конечном счете – социальные институты культуры: науки, политики, искусства и т.д. Качество знания, позволяющего действовать эффективно – достигать цели с наименьшими затратами сил и средств, является основой как его рациональности, так и связанной с ним деятельности в соответствующей сфере.

Традиционно понимаемая рациональность выражает идею «сделанности» вещи, явления, их «скрытого схематизма» – как говорил Ф.Бэкон. Такое понимание рациональности восходит к античной идее «техне» – искусного искусственного преобразования или воспроизводства (моделирования) действительности. Благодаря монотеизму (сотворенности мира по единому замыслу) и деизму эта идея получила дополнительные импульсы, что и обеспечило предпосылки бурного взлета научно-технического прогресса западной цивилизации как цивилизации науко- и техногенной.

В этом плане рациональность совпадает с идеей эффективности как соответствия: выбираемых целей к потребностям или ценностным нормам (Ц/П); результата к целям (Р/Ц); результата к затратам ресурсов (Р/З). Иначе говоря, $P = \frac{R}{Z} = \frac{C}{P} \times \frac{R}{C} \times \frac{R}{Z}$. Переключка понятий не случайна. Она свидетельствует о глубокой фундаментальной общности управленческих и познавательных процессов, выражающейся в их обусловленности практической деятельностью. Так же как интегральным выражением эффективности является отношение потребностей к имеющимся возможностям и ресурсам, так и интегральным выражением идеи рациональности, рациональной устроенности сущего является представление об эффективном, т.е. реализуемом и результативном действии.

Рациональность как эффективность и конструктивность целенаправленной деятельности означает, что разумно и рационально то, что позволяет достичь цели, причем оптимальными средствами. Синтез идеи рациональности в духе античного «техне» – искусного искусственного преобразования реальности – с идеей единобожия и дал традицию европейской рациональности. Эта традиция много дала человечеству. Она является определяющей для становления деизма, развития науки, просвещения, научно-технического прогресса, деловой активности и менеджмента. Мир в целом и в своих фрагментах предстал сделанным. Путь познания – путь осознания схематизма этой сделанности. Беспредельное сводится к конечному, финитному. От Бога-творца к деизму и от него к человеку-инженеру – вот путь европейской цивилизации.

На этом основан взлет западной цивилизации. Но XX век открыл на этом пути не только благоденствие и процветание. Экологические проблемы, ядерное оружие, технические катастрофы, опасные биотехнологии, политическое насилие – отнюдь не побочные издержки, а прямые и непреложные следствия «техничной» идеи рациональности, оправдывающей приведение окружающей действительности в соответствие с познанной ее сущностью.

Традиционная рациональность фактически отрицает гармонию, меру, сеет омертвление живого абстрактными схемами, требующими для своей реализации принудительного внедрения, порождая те проблемы метафизики нравственности, с которыми человечество столкнулось в XX столетии. «Техничная» рациональность или отбрасывает как иррациональную категорию ответственности (и связанные с нею идеи совести, вины, покаяния, стыда и т.д.) или трактует ее как ответственность за реализацию рациональной (= эффективной) идеи. Этот вид рациональности ведет к самодостаточности отдельных сфер применения разума: в науке – к крайностям сайентизма, в искусстве – к формалистической эстетике, в технике – к абсурдности самоцельного техницизма, в политике – к проявлениям маккиавеллизма. Следствием абсолютизации такой рациональности является имморализм, негативные аспекты научно-технического прогресса, питающего мизологию, антисайентизм и тоталитаризм. Абсолютизация традиции «технической» или «технологической» рациональности ведет к крайностям абстрактного рационализма, чреватого самозванством, самодурством разума и насилием. Кризис распадающегося на самоцельные, не стыкующиеся друг с другом сферы бытия, мира – во многом следствие безудержной экспансии «технической» рациональности.

В одной из предыдущих работ¹ нами было систематически показано – как этот тип рациональности проявляется в самозванном насилии над природой, обществом, человеком. Доведенная до предельных логических следствий рационалистическая мораль даже ведет к «убийственной парадоксальности»:

- Любое проявление морали и нравственности предполагает и выражает рассмотрение нравственных максим в качестве универсальных законов. Должное при этом приобретает единый статус реальности с сущим, что и позволяет субъекту действовать в единой плоскости должного и сущего, желаемого и действительного.

- Рационалистическое обоснование нравственности неизбежно оказывается поиском все более «общих моментов», есть путь все большего обобщения и генерализации, обезличения.

- С рационалистической точки зрения следовать закону, придавая ему силу долженствования, т.е. обеспечить исполнение долга, способен только разум. Таким образом, разум, долг и добрая (свободная) воля как следование им, оказываются нераздельными.

- Долженствование в рационалистической морали предполагает «уважительное отношение к общему закону» (И.Кант). Речь идет не о чувстве склонности или страха, внушении извне, а о том, что «спонтанно производится самим разумом»: когда познаю закон, я познаю его с уважением, которое есть осознание подчиненности моей воли этому закону, ограничение («определение» – по Канту) воли законом и сознание этого ограничения. Следует «не ждать ничего от склонности человека, а ждать всего от верховной власти закона и должного уважения к нему...»². «Человек живет лишь из чувства долга, а не потому что находит какое-то удовлетворение в жизни»³ – вот по сути дела подлинный императив рационалистической нравственной философии⁴. Для рационализма свободна только воля, следующая долгу.

¹ Тульчинский Г.Л. Самозванство. Феноменология зла и метафизика свободы. – СПб., 1996.

² Кант И. Собр. соч.: В 6 т. – М., 1965. – Т.4. – Ч.1. – С.234–238.

³ Там же.

⁴ Сам И.Кант не питал на этот счет иллюзий. «Из человеколюбия я бы согласился, пожалуй, с тем, что большинство наших поступков связано с долгом: но стоит только ближе присмотреться к помыслам и желаниям людей, как мы всюду наталкиваемся на их дорогое им «Я», которое всегда бросается в глаза: именно на нем и основываются их намерения, а вовсе не на строгом велении долга, которое не раз потребовало бы самоотречения» (там же, с.244). Не хочется переходить на личности, но – не любил людей Иммануил Кант!

• Уважение к общему универсальному закону, так или иначе, но ориентировано на определение автора и гаранта этого закона, подчинение его воле, выраженной в законе. «Высшее существо, носитель этой высшей воли, стоит вне мира, устанавливает законы безотносительно к чему бы то ни стало, фактически – произвольно». Таким образом, истинной свободой воли обладает в этой концепции только оно. Этим высшим субъектом может быть (как у И.Канта) Бог, но при других установках, в условиях практической «земной» нравственности – сплошь и рядом им может быть любой субъект, посчитавший, как и Родион Раскольников, что он «право имеет» рассматривать максимы своего поведения в качестве универсального закона.

• На практике рационалистический активизм чреват самозванством – готовностью делать людей счастливыми помимо, а то и вопреки их воле. Вполне в духе Бармалея из кинофильма «Айболит-66», заявлявшего, что он запросто всех сделает счастливыми, а кто не захочет – «в бараний рог сверну, в порошок сотру и брошу акулам».

• Субъект, носитель знания общих законов, неизбежно оказывается и всемогущим, всемогущим. Зная все причины и все следствия, такой субъект действует безошибочно эффективно, абсолютно рационально. Он оказывается более чем всезнающ и всемогущ – он непогрешим. Человек такими качествами, очевидно, обладать не может. Поэтому, если такой сверхчеловек – не абсолютный субъект и не Бог, то он претендует на богоподобие. Самозванство всегда в пределе есть человекобожие.

• «Общее должествование» – крепкий и глубокий корешок самозванства. Оформляется противопоставление «мы» и «они». Внутри «мы» мораль сводится к общим для всех установлениям, подлежащим выполнению. Кто не подчиняется – противопоставляется «мы», становится предателем, опасным изменником, врагом и переходит в «они», к которым применимы все средства, они вне морали, нелюди, поскольку вне поля нашего категорического императива. Личность оказывается подлежащей неукоснительному манипулированию и регламентации во всех сферах жизнедеятельности, безответственно представляющей «мы». Так рационалистический коллективизм и плодит самозванцев.

• Для самозванца, которому «все ясно», главный вопрос – вопрос о власти. Он один имеет для него смысл. Вопрос о цели для него ясен, главное – заполучить средства достижения. Поэтому единственная мировоззренческая защита от самозванства, фильтр от него – акцент не на власти, а на средствах, гарантия от насилия. Судить не по целям, а по средствам. Не цель – желаемый результат оправдывает средства, а средства определяют и формируют конечный результат. Воплощение идеала главного чевенгурского «теоретика» Проши Дванова: «...думает не более одного человека, а остальные живут порожняком и всегда вслед первому... все себя знают, а никто себя не имеет» – практический итог рационалистической философии нравственности.

• Человеческий же удел – смирение и послушание высшей воле. Разум оказывается данным человеку единственно для того, чтобы, говоря современным языком, встроиться в качестве средства, «винтика» в некую целевую программу замысла высшего субъекта. Стремление человека к свободе оказывается послушанием, а свобода воли – волей к неволе.

• Это поведение марионетки, сознательно и ответственно выполняющей свой долг – быть марионеткой или вообще долг – не быть. Можно даже говорить о своеобразном «парадоксе ригоризма» этой философии. Действительно, если нравственно только поведение, выражающее долг как самоотречение, то наиболее нравственным будет полное самоотречение, самоотрицание вплоть до самоубийства. Рационалистическая мораль, доведенная до логических пределов, оказывается

моралью человекоубийства в квадрате, моралью взаимодополнительности палачей и жертв.

- Рационализм порождает как бы две философии нравственности, к которым он тяготеет как к своеобразным полюсам: с одной стороны – свобода, а точнее – своеволие «богоподобного» самозванца, с другой – «свобода» смиренного исполнителя долга по отношению к его воле как закону. Освященный рационализм дополняется рационалистической святостью. С одной стороны – «принцип Бармалея», с другой – «парадокс ригоризма». С одной стороны – насилие самозванца над другими, мировоззрение насильника, с другой – добровольное признание его права на насилие, мировоззрение жертвы. Фактически же речь идет о едином мировоззрении, требующем от личности поведения раба, который не может позволить себе даже мысли о сомнении и протесте против воли самозванца – абсолютного субъекта, учением, с помощью которого, как говорил Ф.Ницше, обманывают человечество, с одной стороны, а с другой – люди обманываются сами.

- Это мировоззрение оправдывает не только самозванство, но и произвол. От рационалистического «гносеологического самозванства», узурпирующего право на знание целей и путей их достижения, всего один шаг до нечаевщины и бесовщины-шигалевищины, описанных Достоевским. Другие люди превращаются в средства реализации целей верховного разума – правителя, единолично определяющего «разумность» поведения каждого. Рационалистический догматизм впрямую смыкается с экстремизмом в силу упрощенной схематизации действительности, утопичностью этих представлений и стремления с помощью насилия реализовать эти представления. Властные структуры оказываются носителями высших ценностей просто потому, что они есть. Сами же ценности – типа тех же ума, чести и совести – из человеческого сердца, сердцевины души отчуждаются и изымаются.

- Человек оказывается абсолютно несвободен в обосновании своих поступков, но зато он полностью свободен от ответственности за его последствия и результаты. Ведь это было не его решение! Он только исполнял приказ, подчиняясь чужой воле. Он всего лишь средство и орудие этой воли – не более. Тем самым нравственность лишается собственно поступка – сознательного и вменяемого действия. Это не только избавляет от сознания ответственности, но и наполняет жизнь целью и смыслом, которых она была лишена. Чем и привлекательна власть деспота и тирана, различные виды бонапартизма, фюрерства и дучизма для обывателя. Они приобщают его к истории и «великим свершениям», оправдывая возможно не сложившиеся жизнь и судьбу. Для этого надо сделать так немного – вверить свою судьбу воле вождя. Особенно такая перспектива привлекательна различным маргиналам, личностям неукорененного бытия, несложившихся судеб. Поэтому именно к ним – и маргиналам, и люмпенам – апеллирует всегда рационалистический утопизм.

- Рационализм в духе «техне» ведет и к безответственности власти. Тотальная якобы ответственность оборачивается личной преданностью в сочетании с полной личной безответственностью. Громоздкий аппарат контроля, строгая личная ответственность нижестоящих перед вышестоящими – не могут иметь практическим следствием ничего, кроме стремления каждого нижестоящего снять с себя эту ответственность, уйти от нее, итогом чего является столь же тотальная безответственность.

- Речь идет и о питательной среде психологии иждивенчества, духовной апатии, халатности и безответственности – наследию сталинщины в нашем обществе. Здесь кроется одно из объяснений живучести бюрократии, атрибутами которой являются личная преданность в сочетании с полной личной безответственностью, бездушие и «таинство для посвященных» бюрократического аппарата. Тотальная якобы ответ-

ственность – «вертикаль власти», громоздкий аппарат контроля, строгая личная ответственность нижестоящих перед вышестоящими, наличие ответственных работников – не может иметь практическим следствием ничего, кроме столь же тотальной безответственности. Силы и энергия направлены не на решение реальных проблем, а на поиски объективных причин, мешающих их решить. Виноват при этом будет кто угодно – жена, дети, соседи, железная дорога, смежники, суровая зима, жаркое лето, происки врагов – только не сам «винтик», который знает, что чем более он будет лично предан руководству, тем большее ему спишется: и начальством, и собственной совестью.

- Попытки реализации рационалистических программ и проектов, нравственных норм, организующих социальную жизнь, часто ведут к казарменно-барачной этике, основанной на насилии, к тщеславию ничтожащего других самозванству. Это не только теоретический вывод, но и результат морально-политической практики. Великая французская революция – торжество и апофеоз Просвещения и рационализма – достаточно многое выявила еще в свое время. История построения «разумного общества» на основе «законов общественного развития повторилась» в России. Рационализм оказывается орудием господства. Им всегда и пользовались в политических переворотах, революциях – как средством оправдания. И не случайно все эти оправдания оборачивались насилием и кровавыми диктатурами.

- Рационализм уповает на законы – как орудие против стихийного саморазвития. Поэтому практика абстрактного рационализма предполагает насаждение законов – стрижку всех под абстрактно-общее нормативного *Das Man*. Но за распределительным равенством оказывается обоснованным и сохраненным фундаментальное неравенство массы и самозванных манипуляторов ею. А если жизнь не соответствует их концепциям и схемам, то тем хуже для самой жизни.

- В принципе, каждая тирания опирается на такую двойную философию поведения, рассматривает ее как идеал, к которому она всеми силами и средствами склоняет общество. Последнее рассматривается как безликая масса, послушная воле властителя и с благодарностью и благоговением («уважением» Канта) эту волю реализующая. Политические доктрины и практика диктатур прошлых веков дают наглядные и убедительные примеры воплощения такого двуединства крайних позиций рационалистической философии нравственности. Причем крайности эти сходятся, поскольку крайними выражениями этих двух полюсов «логически последовательного» рационализма является убийство: либо другого человека, либо самого себя. «Смерть решает все проблемы», – говаривал великий вождь и учитель народов Сталин. Это мировоззрение, объединяющее насилие и самоотречение перед ним, убийцу и убитого, право убить и быть убитым.

- Разумеется, ситуация уравнивания палачей и жертв экстремальна. Однако современному человеку приходится иметь дело с массовой психологией и массовым сознанием палачей и жертв, с типологией человекоубийства от изоциренно индивидуального до всеобщего конца света, с механизмами манипулирования поведением миллионов людей, с принуждением их к утрате способности и желания самостоятельного ответственного мышления и таких же поступков. Реплика В.В.Розанова о том, что есть только две философии – выпоротого и ищущего, кого бы еще выпороть, в начале века могла выглядеть остроумным парадоксом. Сейчас, в контексте опыта XX столетия, мысль эта выглядит зловещей, по-своему пророческой.

Оправданная рациональной эффективностью жизнь – оправдана вне морали. Мир предстает как объект воли. Сознание, совесть и ответственность как факторы личностного поведения, требуют именно личных усилий понимания и осмысления действительности, реализуют личную экзистенцию человека. В этом же случае разум

бессовестен. Он нуждается только в объективности знаний, их ясном выражении и эффективности оперирования ими⁵. Рационально то, что позволяет достичь цели и желательность – с меньшими средствами.

Такой разум способен объяснить что угодно и в каких угодно целях. «Ум – подлец», – писал Ф. М. Достоевский, – потому что «виляет». Он не только бессовестен, но и внеличностен, стремится к обезличиванию знаний, изживанию из них субъективных деталей, страстей, интересов. Как известно, рациональность, особенно ее сердцевина – научная рациональность, ориентирована не только на внеличностность, но, в погоне за объективностью, даже на максимально возможное вычищение человека из картины мира. Неспроста именно в эпоху Просвещения и прочие эпохи «просветительства» и культа разума возникает стремление вывести разум из-под контроля совести и ответственности. Согласно Ламетри, просветителю XVIII века, «...самое важное... это освободить человека от угрызений совести». Идея вполне в духе обещания Гитлера «освободить немцев от химеры совести», ленинского «Мораль – выдумка слабых, жалобный стон неудачников», сталинской сентенции: «Наивно читать мораль людям, не признающим человеческую мораль».

В конечном счете, рациональность, восходящая к «техне» – идее сделанности – не в состоянии обосновать ответственное сознание и поведение, а разум оказывается вещью сомнительной и весьма проблематичной. Так, еще И. Кант, несмотря на отстаиваемую им идею разумности доброй (свободной) воли, подчеркивал, что разум не дает пути к счастью, наоборот: «у многих людей, и притом самых искушенных в применении разума, если только они достаточно искренни, чтобы в этом признаться, возникает некоторая степень мизологии, т.е. ненависть к разуму... Поэтому они в конечном счете не столько презирают, сколько завидуют той породе более простых людей, которая гораздо более руководствуется простым инстинктом и не дает разуму приобретать большое влияние на их поведение»⁶. Кант относится к разуму, как Пьер Безухов, завидующий цельности и природной простоте природы Платона Каратаева, не разъединенной рефлексиями просвещенного разума. По истине, «во многой мудрости много печали», а разум и счастье – две вещи несовместные.

В этом Кант противоречит себе же. С одной стороны, он в «Основах метафизики нравственности» обосновывал благоразумие как умение выбрать оптимальные и рациональные средства для достижения желаемого – в конечном счете счастья. В другом же месте он писал: «Если бы в отношении существа, обладающего разумом и волей, истинной целью природы было бы сохранение его, его преуспеяние – одним словом, его счастье, то она распорядилась бы очень плохо, возложив на его разум выполнение этого своего намерения...»⁷. Эта цель, согласно Канту, гораздо легче и точнее достигалась бы инстинктом, а на долю разума выпало бы «размышлять о счастливой склонности своей природы, восхищаться ей и благодарить за нее благодетельную причину, но не для того, чтобы подчинять слабому и обманчивому руководству его свою способность желания и ввязываться в намерение природы... Одним словом, природа воспрепятствовала бы практическому применению разума и его дерзким попыткам своим слабым пониманием измышлять план счастья и средства его достижения; природа взяла бы на себя не только выбор целей, но и выбор самих средств и с мудрой предусмотрительностью доверила бы и то и другое одному только инстинкту»⁸.

⁵ Ср.: «Логика целевого управления», «Разум, воля, успех» и «Проблема осмысления действительности».

⁶ Кант И. Собр соч.: В 6 т. – М., 1965. – Т.4. – Ч.1. – С.230–231.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

Таким образом, хотя счастье и является следствием благоразумия, сам разум к счастью не ведет. Истинно рациональным (рассудительным, разумным и логичным) оказывается «поступок» безрассудный, инстинктивный, лишенный разумного начала – это ли не парадоксальный итог рационализма?

Отказ от разума – достойное «логическое» следствие рационализма. В обществе, которое соответствует идеалу «тоталитарного рационализма» сами разум и знание становятся опасными для их носителя, оно раскрывается как царство безответственного насилия.

Рациональность и культура ненасилия

Воистину – дело философов объяснять мир и не дай Бог им братья за его переделку. Абстрактный рационализм может идентифицироваться как вирус духовной чумы, а точнее – СПИДа, уничтожающего собственную среду обитания, лишая личность и общество нравственного иммунитета. Воспроизводя свои мертворожденные конструкции, тоталитаристски утопические схемы, «забывая» ими сознание и культуру, он лишает ее живых истоков, корней и тканей, оправдывая и утверждая насилие.

Безответственное насилие – главное следствие абстрактного рационализма. В этом его упрекали все критики рационализма: от немецких романтиков до А.Швейцера и от экзистенциалистов до нынешних постмодернистов. Усилиями последних рациональность и ее сердцевина – логика – предстали чем-то мало приличным – логоцентризмом с его убогой бинарностью, нормативностью, навязыванием схем долженствования и, как следствие, созданием институтов социального контроля и репрессий к отклоняющимся от «норм». Одно слово – фаллогодетризм! Особенно яростной атаке рациональность и научное знание были подвергнуты М.Фуко. В его многостраничных трактатах тюрьмы, психиатрические лечебницы, лепрозории, другие институты социального контроля и репрессирования предстают результатом становления науки Нового времени, претендующей на достоверное знание. При желании, можно понять негативное отношение к научной рациональности гая, который, зная, что он безнадежно болен СПИДом, успел заразить еще более 200 человек. Но справедливо ли столь массивное навешивание на рациональность всех собак современной цивилизации?

Рациональность позволяет искать и находить не только основания и причины, но и следствия. Проведенное рассмотрение показало, что мировоззренческими и нравственными практическими следствиями поисков и утверждения универсального закона, первопринципа в социальной практике, являются самозванство и вождизм, утопизм и мифократию, нетерпимость и безответственность, доведенные до амбивалентности добра и зла, в конечном счете – насилие.

Попробуем сместить акцент с поиска универсальной первоосновы на выведение следствий. В этом ракурсе вклад рациональности и его сердцевины – логики – в нравственную и даже политическую культуру не менее очевиден.

Логика возникла и развивалась, прежде всего, как теория эффективной аргументации – деятельности, связанной с доказательством, обоснованием, опровержением, критикой и анализом конкретных утверждений, положений или мнений. Необходимость в эффективной аргументации возникает в самых различных ситуациях обыденной жизни и судебной практики, политики и науки, средствах массовой информации и, разумеется – деловой активности.

Однако востребованной логика в таких ситуациях может быть не всегда, а, очевидно, только тогда, когда люди стремятся быть понятыми и убедить других в

своей правоте, когда они стремятся установить истину, достичь взаимоприемлемых оценок, побудить других к признанию необходимости сделать нечто. А это возможно тогда, когда человек имеет возможность публично и результативно отстаивать свои интересы.

Иначе говоря, востребованность логики предполагает несколько условий:

- свободу – относительную автономность личности, подкрепленную наличием у людей собственности, порождающей интересы;

- возможность эти интересы публично отстаивать и продвигать, в том числе совершать сделки, торговаться, что возможно только в условиях более или менее развитых рыночных отношений; доказывать свое право в суде, что возможно только при наличии правовой культуры; выражать свою политическую волю, что предполагает развитие хотя бы начальных форм демократии;

- наличие развитых межкультурных контактов, когда представители разных народов и государств, говорящие на разных языках, исповедующие разные религии, имеют опыт общения, в котором они не только понимают друг друга, но и умеют договариваться, находя некую общность интересов.

С весьма краткого периода Афинской демократии и до сих пор логика так и ходит в истории «под ручку» со **свободой, рынком, правовой культурой, демократией и открытостью общества**. В обществе закрытом, деспотическом логика как технология публичной аргументации просто не может быть востребована. Отечественная история – убедительное тому подтверждение.

Не будет преувеличением сказать, что логика выступает своеобразной несущей арматурой современной культуры и цивилизации – от образования, науки, техники и информационных технологий до морали, права и политической культуры. Более того, сама логико-научная рациональность оказывается сердцевиной культуры толерантности и ненасилия.

Соотнесение понятий науки и этики звучит и выглядит почти парадоксально. Этика – философская дисциплина, а у философии с наукой отношения достаточно не простые и не однозначные. С одной стороны, философия вряд ли подпадает под категорию собственно науки, science, и в англоязычном мире относится к сфере humanities. Social science занимает как бы промежуточное место: уже не humanities, но еще не science. И зарубежных «братьев по разуму» часто ставит в недоумение наличие Института философии Академии наук, защиты философских диссертаций на степень кандидата или доктора наук. На их недоуменные вопросы, какое отношение философия имеет к науке, я обычно отшучиваюсь, что если у нас философия проходит по епархии science, то у них неразберихи не меньше: физики и прочие scientists получают степень PhD, то есть доктора философии. Так что наш хрен их редьки не слаще.

Шутки шутками, но есть и более серьезные вопросы к словосочетанию, вынесенному в заголовок параграфа. Дело в том, что наука (science) традиционно и не без оснований рассматривается как внеэтическая сфера, как сфера имморальная – по ту сторону добра и зла, не имеющая к ним отношения, будучи ориентированной на истину. Еще в конце XIX – начале XX в. считалось, что наука не знает запретных тем, все доступно пытливому уму ученого. Но конец XX столетия вывел на первый план неожиданные с традиционной точки зрения проблемы – такие, как ограничения на занятия генной инженерии (в том числе – пресловутым клонированием), пересадка органов, эвтаназия. Даже аборт стал серьезной проблемой, имеющей острое политическое звучание. На глазах сформировалась и приобрела черты респектабельности целая дисциплина – биоэтика.

Все эти очевидные факты, однако, связаны только с первым кругом соотношения этической тематики с современной наукой. Речь идет о социально-культурном контексте восприятия науки и ее результатов социумом, то есть об этических факторах, действующих с внешней по отношению к науке позиции, не присущих самой науке.

Второй круг этической проблематики применительно к науке связан с проблемой рациональности. Работы Т.Куна, С.Тулмина, М.Полани, П.Фейерабенда и др. продемонстрировали роль и значение нормативности, нормативно-ценностного момента в содержании теоретического знания. В этой связи даже встал вопрос о различных типах научной нормативности и рациональности. В этом случае речь идет уже о нормативных регулятивах, встроенных в само содержание научного знания, внутренне ему присущих.

Но существует еще один круг, в котором встречаются этика и наука. Речь идет об этике, нормативности, действующей в научном сообществе, точнее – сообществах.

Человек как социальное существо не принадлежит абстрактному обществу вообще. Его социальность всегда реализуется в конкретных общностях: семье, дворовой компании, компании школьных сверстников, трудовом коллективе, профессиональной группе. И для каждой из таких общностей характерны свои нормы, ценности, традиции и герои, предания и легенды, нередко – язык или жаргон. Культура (в том числе национальная) всегда предстает не монолитным единством, а единством многослойным, многоукладным, наполненным пестротой быта нравов, обычаев.

Наиболее заметны в любом обществе выделяющиеся в нем половозрастные, профессиональные, досуговые (по предпочитаемым занятиям в свободное время), религиозные, этнические общности. На их основе возникают и развиваются так называемые субкультуры или культуры отдельных групп, из которых состоит общество в целом. Отдельные личности, принадлежащие к таким группам наиболее комфортно ощущают себя именно в наиболее близкой им культурной среде, находя в ней «дом своей души».

Субкультуры выполняют в обществе чрезвычайно важные функции. Они объединяют людей в конкретные общности, создают условия для становления и формирования личности, ее самореализации, оценки и самооценки. Субкультуры во многом выступают механизмом развития совокупной культуры общества – ведь кто-то должен инициировать идеи, выступить проводником и носителем новых идей. Некоторые субкультуры, наоборот, способствуют сохранению каких-то норм и традиций. В этой связи различают субкультуры охранительно-закрытые (например, религиозные общности), компенсаторно-агрессивные (молодежная субкультура), коммуникативно-открытые (например, туристы).

Специфической субкультурой является научное сообщество, само, в свою очередь, делящееся на субкультуры по научным дисциплинам: естественников (и далее – физиков, биологов, астрономов...), математиков, гуманитариев, медиков и др. Наука, начавшаяся как интеллектуальное творчество одиночек, чем дальше, тем во все большей степени становилась коллективной, социально упорядоченной деятельностью.

Фактически научное сообщество (точнее, каждое из научных сообществ) представляет собой субкультуру со всеми характеристиками, применимыми к другим субкультурам: этническим, молодежным, детским, криминальным и др. Научное сообщество есть ни что иное, как одна из профессиональных субкультур со своими нормами, традициями, эпосом, сленгом, героями, юмором и т.п. Но всех их объединяет так называемый «научный этос» – представления о допустимом и недопустимом в поведении настоящего ученого.

Перечислим наиболее очевидные ценностные нормы, которым должен соответствовать «настоящий ученый»:

- интеллектуальная скромность;
- эмоциональная нейтральность;
- беспристрастность;
- бескорыстие;
- независимость;
- критичность к любому авторитету;
- открытость позиции, готовность принять критику;
- объективность, исключение партикуляризма.

Разумеется, любой, хотя бы немного знакомый с бытом и нравами науки, знает, что в научных коллективах действуют другие этические максимы, с точностью до наоборот по отношению к приведенному перечню: оригинальность, яркость и неординарность; эмоциональная вовлеченность и ангажированность научной идеей; способность привлечь финансовые средства, к продвижению идеи, рекламе; признание авторитета учителя и лидера; скрытность и закрытость по отношению к конкурентам, готовым перехватывать идеи; верность и преданность школе, направлению, нетерпимость к «изменщикам». Можно, конечно, говорить о двойной морали, двойном стандарте. Во-первых, это «науки-для-себя» – по отношению к «своим», которые должны быть преданными и блюсти чистоту рядов. И, во-вторых, – это «науки-в-имидже», для внешнего потребления, адресованного по отношению к другим, которые должны видеть нас открытыми к критике, нейтральными, бесстрастными, а самое главное – и сами быть таковыми.

Так или иначе, но даже краткое рассмотрение трех кругов соотношения науки и этики демонстрирует многоуровневое проникновение этики в науку, пронизанности науки (как знания и как деятельности) этикой. Поэтому может и должна идти речь не о чуждости науки и этики друг другу, а о необходимости выявления и проследивания их взаимодействия. И если экстерналистский и интерналистский аспекты влияния этики, нравственной культуры на развитие науки изучены достаточно подробно, то обратное влияние науки на нравственную культуру социума до сих пор остается почему-то вне систематического анализа и осмысления.

В свете проведенного предварительного рассмотрения очевидно, что в этом случае речь может идти не о корпоративной этике науки-для-себя – в этом ее этос мало отличается от этоса любой другой субкультуры, и ни о какой толерантности в этом случае говорить не приходится. В культурогенезе любой субкультуры нет и не может быть толерантности, речь может идти только об утверждении и экспансии определенного идентитета.

С этосом науки-в-имидже ситуация другая. Его нормативно-ценностное содержание резко отличает науку от других субкультур, оно сыграло и до сих пор играет исключительно важную роль в установлении правил социального общежития науки с другими субкультурами и даже социума в целом. Еще Р.Мертон обратил внимание на роль пуританской этики в становлении естествознания в XVIII веке. Действительно, члены Королевского научного общества были пуританами, а пуританские ценности полезности, рациональности, индивидуальной ответственности, скепсиса к традиции и аскетизма определяли и до сих пор часто определяют образ ученого (image of scientist).

С позиций этого этоса науки-в-имидже критериями научности являются объективность, независимость во взглядах, бескорыстие, бесстрастность и критичность по отношению к любому авторитету, интеллектуальная скромность и открытость к критике. Эти критерии закрепляются в специальных процедурах, формальном и

неформальном общении (вузовская подготовка, аспирантура, экспертизы, защита диссертаций, научные сообщения и публикации, их отбор и редактирование, популяризация). Тем самым обеспечивается вербовка и воспроизводство научных сообществ, контроль за их деятельностью, организация коммуникации и общения, влияние на другие общественные сферы: органы власти, деловой мир, образование.

Научная рациональность как школа свободы и ответственности

Наука и возникла как самостоятельная и независимая нормативно-ценностная система. Вся ее история – история отстаивания и укрепления этой самостоятельности и независимости⁹. Более того, динамика науки, процессы дифференциации и интеграции в ней – суть история отстаивания самостоятельности и независимости критериев (норм и ценностей) соответствующих научных дисциплин.

В этом своем постоянном стремлении к автономности выработки критериев наука мало чем отличается от любой субкультуры, вырабатывающей свою собственную картину осмысленной действительности и ориентиров в ней. Главное отличие и своеобразие – в самих этих ориентирах, обусловленных рядом особенностей культуры и аргументации в научной деятельности.

Для науки, для научного осмысления действительности, для научной картины мира, в отличие от религии, мифа, искусства, идеологии, такими ориентирами и критериями являются объективность, строгость, точность, непротиворечивость и т.д. В этом плане науку можно рассматривать как общецивилизационную и общечеловеческую школу рациональности, объективности и... толерантности.

Эта роль обусловлена рядом особенностей научной деятельности:

- культурой научной аргументации, вынуждающей оппонентов принимать некие общие принципы и критерии – такие, как логичность, непротиворечивость, фактологическая доказательность, возможность математического расчета;
- признанием верховенства неких общих оснований (законов);
- признанием права оппонента на свою аргументацию;
- практикой экспериментирования, подтверждающего или опровергающего следствия на практике;
- демонстрацией возможных следствий и, тем самым, ответственности оппонентов.

Без учета этих обстоятельств невозможно адекватное объяснение природы и истории либерализма, правозащитного движения в СССР, стилистики постмодернизма, мультикультуральной толерантности и других проявлений современной культуры¹⁰.

Научная строгость предполагает, что все положения научной дисциплины должны быть обоснованы и логически согласованы. Но при этом нельзя забывать, что каждая конкретная наука может достигать целей обоснованности и логической связности своим особым способом. Поэтому научная объективность признает конкретную ограниченность справедливости каждой из возможных точек зрения. И именно благодаря этой нейтральности и толерантности наука очертила область рассуждений, в которой можно достигать взаимопонимания и сотрудничества независимо от различных интересов, идеологических и политических взглядов, религиозных убеждений и прочих мотиваций и установок.

⁹ Агацци Э. Моральное измерение науки и техники. – М., 1998.

¹⁰ См. Тульчинский Г.Л. Наука и культура толерантности // Петербургская Академия наук в истории академий мира. – СПб., 1999. – С.68–76.

Более того, ценность науки как раз и состоит в возможности признать некие утверждения в качестве истинных или ложных независимо от авторитета и властных возможностей людей, высказывающих эти утверждения. И это великое благо для цивилизации, которое дала последней наука.

Обоснованность и строгость научного знания имеют еще и другую сторону: полноту и точность. Оно стремится выработать все более целостную картину мира, в которой мир предстает системой взаимосвязанных и взаимозависимых компонентов. Но тогда, чем более глубокое и полное знание вырабатывается наукой, тем глубже и полнее ответственность носителей этого знания. В начале статьи уже отмечалась немалая даже еще в начале XX века острота этической проблематики относительно современной научной деятельности (биоэтика и т.д.). Речь идет об этической оценке как используемых средств, так уже и об оценке формулируемых целей исследований и экспериментов.

Более того, концепции и результаты научно-технической деятельности выступают своеобразными провокаторами нравственности, ставя перед нею все новые и новые проблемы в силу все более глубокого проникновения в причинно-следственные связи. Но и с этой точки зрения наука оказывается отличной школой толерантности, вынуждая исследователя соотносить свои цели и намерения с возможными последствиями для окружающей природы, общества, других людей.

С этими обстоятельствами связана та выдающаяся роль, которую сыграла наука в становлении и развитии либерализма. И дело даже не в исторических реалиях, таких, как связь либерализма с философией позитивизма и утилитаризма. Сами эти реалии порождены глубокой и интимной укорененностью идей свободы и ответственности в научной деятельности.

По очень точному наблюдению А.И.Бродского, возникновение и развитие либерализма предполагает возможность автономного существования различных сфер деятельности и соответствующих нормативно-ценностных подсистем культуры: нормы, ценности и цели одной сферы деятельности не могут быть обоснованы нормами, ценностями и целями, принятыми в другой. Логическим принципом, обосновывающим эту идею в классическом либерализме является невыводимость прескриптивов (нормативных, оценочных, императивных) высказываний из высказываний описательных¹¹. При этом важно помнить, что только последние могут быть истинными или ложными.

Короче говоря, согласно этому принципу, человеческая деятельность в целом не имеет и не может иметь единых и общих оснований. Нормы, ценности и цели не могут быть выведены из каких-то универсальных представлений о мире. Каждая сфера деятельности (культуры) как нормативно-ценностная система задает свой контекст осмысления¹². Поэтому собственно либеральная идеология может опираться только на сознание этой относительности человеческих знаний и стремлений, влекущее обязанность уважать всех людей и свободу, предполагая разумно (рационально) выстроенный скептицизм и критицизм.

И неслучайно, поэтому, именно научная среда является социальной базой формирования и продвижения идей и ценностей либерализма. Это, кстати, было весьма наглядно продемонстрировано на примере правозащитного движения в СССР.

¹¹ Бродский А.И. Об одной ошибке русского либерализма // Вопросы философии. – 1995. – №10. – С.154–159.

¹² Об осмыслении как нормативно-ценностном синтезе знания истины (реального), оценки (целесообразно необходимого) и нормы (реализуемой возможности), а также возможности соответствующей «стереоскопической» логической семантики см.: Тульчинский Г.Л. Проблема осмысления действительности. – Л., 1986.

Научно-техническая интеллигенция по данным авторитетных и обстоятельных социологических исследований в советское время была наиболее продвинутой («опережающей») социальной группой¹³. Практически все социально-культурные нововведения (от авторской песни до оздоровительного движения и от самиздата до видео) инициировались и осуществлялись научными работниками и ИТР, занятыми в непроизводственной сфере. Свободомыслие в этой среде было наиболее аргументировано, рационально¹⁴, позитивистски ориентировано, в наибольшей степени тяготело к классическому либерализму, выдвинуло такие яркие фигуры общенационального масштаба, как В.С.Есенин-Вольпин, А.Д.Сахаров, С.А.Ковалев. Не случайно и такое количество нынешних успешных предпринимателей являются выходцами именно из этой социальной группы. К сожалению, в интересующем нас плане, постперестроечные реалии лишили эту социальную среду ближайших перспектив – оказались подорванными сами физические условия существования этой среды, которая могла стать основой действительного возрождения страны. И дело не только и не столько в пущенном на ветер научно-техническом потенциале, сколько в потенциале интеллектуально-нравственном, имевшейся критической массе социальной базы реформ, оставшейся не востребованной «реформаторами».

Некомпетентность и бессилие как источники насилия

Недавно прихожу на родную кафедру. Сидит наша завкабинетом – нормальная молодая тетечка – вся в расстроенных чувствах. Оказывается, ее ограбили на улице. Отобрали сумочку, в которой были деньги, документы и мобильник. «Вы в милицию обращались?» – «Да. Два с половиной часа там провела» – «Заявление написали?» – «А что, надо было заявление написать?» – «А что же Вы там делали?» – «Ну, я плакала, они жалели, говорили, как трудно будет найти»... «Мобильник был включен?» – «Да». – «Симку заблокировали?» – «Зачем?» – «Так ведь наговорить могут сколько угодно». Всполошилась: «А как это сделать? Мобильник не я покупала, а знакомый, который сейчас уехал»...

Стало не по себе. Сколько таких – не способных не то что обустроить свою жизнь, а просто понять, что вокруг и с ними самими происходит?! Жизненно, а то и профессионально некомпетентных и несостоятельных людей. Зато каждый день с утра до ночи они видят на экранах телевизоров одного супер-компетентного, который и с заморским резидентом на его языке поговорит, и бычка за ухом почешет, олигархов разведет, и спортсмена наградит, сегодня в микроскоп посмотрит, а завтра из океанских глубин зорко глянет в перископ. И эти люди, сознавая свою полную жизненную беспомощность, голосуют на выборах.

Некомпетентны не только избиратели, дружно голосующие за навязываемых сверху «профессионалов», а потом клянущие их на чем свет стоит. Столь же некомпетентными оказываются присяжные, не только оправдывающие, но аплодирующие оправданным ими садистам. Некомпетентны и ребята с «чистыми руками», делающие все, что взбредет в их «холодные головы», а точнее – сначала делающие, а потом думающие. Сколько лет было потрачено обществом на экономический ликбез

¹³ Художественная культура и развитие личности. – М., 1987; *Фохт-Бабушкин В.У.* Художественная культура: проблемы изучения и управления. – М., 1986.

¹⁴ В этом плане специального внимания заслуживает роль советского логического научного сообщества и распространения логического образования, интереса к методологии науки в формировании и развитии правозащитного и – шире – демократического движения. См.: *Тульчинский Г.Л.* Логика в советском обществе. // Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке. Ч. II. – Л., 1990. – С.62–64.

главы правительства, хотевшего «как лучше»? Не меньше времени уже прошло и сколько еще пройдет, чтобы глава государства, у которого на физиономии написаны все комплексы нации – от инфантилизма до мании величия, понял, что открытая и публичная защита интересов лучше для управления, чем наушничанье?

Более того, некомпетентный чиновник, «силовик при исполнении» шкурно заинтересован в некомпетентности граждан. Он даже всячески усиливает эту некомпетентность невнятными и противоречивыми законами и инструкциями, закрывая доступ к ним, создавая и культивируя стресс и комплекс неполноценности. И вся его работа оказывается направленной не на решение реальных проблем и помощь людям, служение интересам общества, а на всяческое «запудривание мозгов» по всем векторам: и населению, и вышестоящему начальству, и смежникам, и журналистам.

Эта тотальная некомпетентность и несостоятельность, растерянность перед реальными проблемами и вызовами оказывается одним из источников агрессивности и насилия в обществе. Несостоятельность порождает испуг и растерянность. А когда человек не знает и не понимает, что с ним происходит, что он конкретно может сделать, чтобы защитить себя и тех, кто находится в зоне его ответственности, он становится агрессивным. Страх переносит ответственность и вину за происходящее на других – непонятных и значит – опасных: международных террористов, олигархов, «оранжевых» украинцев и т.п. Бессилие рождает не только неадекватность, но и безответственность и насилие.

В этом плане можно говорить о глубоком и принципиальном единстве нынешней власти и народа. Народ и власть едины – в своей некомпетентности и несостоятельности, испуганности и агрессивности.

Волна насилия и хоррора, испытываемая нынешним российским обществом является следствием общей, если не тотальной некомпетентности, безответственности и... бессилия.

Из психологии хорошо известно, что насилие есть иррациональная реакция бессилия¹⁵. А тоталитарные режимы в истории всегда были следствием социальной, экономической и политической депрессии. «Акт насилия есть жест слабости» (Н.А.Бердяев). Скорее – жест отчаянной слабости, лишённого потенциала конструктивного решения проблемы.

У насилия есть фактически два источника. Во-первых, неспособность понять происходящее, загоняющая человека в стресс, когда единственной его реакцией на происходящее оказывается не просто отказ от этой реальности, а ее отрицание в агрессии. Во-вторых, бегство от свободы как отказ от ответственности, «уход в безвинность», невыносимость мысли о собственной вине за происходящее. Я оказываюсь не отвечающим за творящееся зло и «перевожу стрелку» на внешних или внутренних врагов.

В обоих случаях насилие, агрессия порождается некомпетентностью. Само насилие – ни что иное как агрессивная реакция некомпетентных. Поэтому рост насилия в современной России напрямую связан с возрастающей люмпенизацией населения. Радикальные движения от лимоновских нацболов до фашиствующих скинхедов рекрутируются именно в люмпенизированных группах населения, в первую очередь – неработающей молодежи со средним или даже неполным средним образованием.

¹⁵ См., например: *Мэй Р.* Сила и невинность: в поисках истоков насилия. – М., 2001.

Существует очевидная корреляция между нетерпимостью и отсутствием логической культуры аргументации. Круг некорректных приемов довольно широк¹⁶. Это могут быть не только нарушения правил логики как проявление недостаточной логической культуры (паралогизмы) или софизмы – сознательные нарушения логических правил и законов с целью введения в заблуждение оппонента, поймать его в некую ловушку, что требуют уже изощренной логической культуры. Более примитивны такие приемы, как подмена тезиса, использование ложных или недоказанных аргументов или поспешное обобщение, сужение или расширение исходного тезиса, использование «нелепых доводов». Не более корректным является аргументация к личности оппонента и других участников спора, игра на их тщеславии, лесть, апелляция к авторитету или к настроениям, чувствам публики, ссылки на недоступные оппонентам и публике факты, источники информации, секреты, тайны и т.п. Столь же некорректным приемом являются намеки, инсинуации, «чтение в душе» у оппонента, приписывание себе знания его мотивов, намерений, мыслей, чувств. Разновидностью этого приема является реплика «Сам дурак!» – своеобразное «анти-dixi», делающее любое продолжение диалога невозможным.

Довольно часто используются различные психологические уловки, направленные против нормального мышления и нормального хода дискуссии. К ним относятся выведение оппонента из душевного равновесия, расчет на его доверчивость, открытость, замедленную психическую реакцию, отвлечение внимания, попытки прямого внушения и тем более – осмеяние.

Своеобразным сводом некорректных, но чрезвычайно эффективных приемов аргументации является так называемая «женская логика»¹⁷. Она имеет заведомое преимущество перед «мужской» аргументацией, поскольку, если в ней и существует некое общее правило, то это непризнание необходимости подчиняться каким бы то ни было общим правилам.

Особое место среди некорректных приемов «аргументации» занимают так называемые «механические аргументы»¹⁸ – выход из спора, срыв полемики, не стесняясь в средствах. «Механической» аргументацией является угроза насилием и, тем более, прямое насилие – экономическое, политическое или другое принуждение вплоть до физического, а то и просто – «палочные доводы». Разновидностью механической аргументации является «argumentum ad mortem»¹⁹ – угрозы смертью до ее осуществления. Как говаривал классик argumentum ad mortem И.В.Сталин: «Есть человек – есть проблемы, нет человека – нет проблем», «Смерть решает все проблемы».

Подобная «аргументация» – проявление не только полемической несостоятельности. Она свойственна лицам, не владеющим истиной, чьи мысли, сознание не адекватны реальности. Поэтому насилие над реальностью, над другими людьми оказывается единственным доступным им доводом: жезл Ивана IV, дубинка Петра I, пистолеты и бомбы народовольцев, «диктатура пролетариата», саперные лопатки, заказные убийства, рэкет...

Нетерпимость к другим, насилие, «механическая» аргументация – удел самоуверенных полузнаек.

Российское общество представляет особый интерес хотя бы в силу начавшегося отставания даже от тех обществ, которые вступили в реформы намного позже – Китая,

¹⁶ См., например: Тульчинский Г.Л. Культура деловой аргументации. – СПб., 2001. – С.50–80.

¹⁷ См.: Курбатов В. Женская логика. – Ростов-на-Дону, 1993.

¹⁸ Поварнин С.И. Спор. О теории и практике спора. – СПб., 1997.

¹⁹ Тульчинский Г.Л. Argumentum ad mortem // Вестник СПб. Университета. Сер.6. Вып.1. – СПб., 1995. – С.10–14.

Индии, Бразилии. В российском же обществе, очевидно, в результате многолетнего, если не многовекового, очищения и развития идеи самозванства и безответственности, этот процесс идет очень болезненно и неоднозначно. И это при том уровне образования, который был достигнут в СССР!

Вроде бы все плюсы поменялись на минусы и наоборот, произошла радикальная смена ценностей и ориентиров. Место материализма заняла духовность. На полках книжных магазинов место литературы по диалектическому и историческому материализму заняла литература «духовная», ментальный и супраментальный план, Шри Ауробиндо, технология медитации, Кастанеда и проч. Место рационализма занял иррационализм. «Наука» и «научность» – почти ругательные слова. Наука почти дискредитирована. Сплошная астрология, гороскопы, хиромантия, парапсихология, телекинез, НЛЮ, пришельцы и т.п. А место утопизма занял прагматизм – откровенный и приземленный. На первый взгляд, в духовном опыте поменялось все. Но... Духовность оборачивается стремлением с помощью духовно-идеального изменить материальное – излечиться на расстоянии, двигать предметы усилием воли и т.п. Иррациональность, которая нормативно-катехизична, как любая практика гностицизма, ведовства и проч. Прагматизм, который стремится получить результат, добиться успеха немедленно здесь и сейчас, причем – усилием воли. Это духовность, которую не отличить от материализма, рационалистичная иррациональность, прагматизм, который утопичен. А главное – итог тот же самый. И в том, и в другом случаях это невменяемость, бегство от свободы, когда личность, как кусок масла на сковородке, распускается. И никто ни за что не отвечает.

По-прежнему отвергается идея свободы как ответственности, главенство закона по отношению к любой власти. Фактически мы имеем дело все с тем же опытом невменяемости и самозванства, только в новом облици. Очевидно, что дело не в недостатке или избытке рационального знания, сколько в качестве этой рациональности, не способной консолидировать общество на конструктивном балансе интересов.

Традиционный ответ России на вызовы истории – усиление власти и насилие, включая принудительное нововведение и реформирование, жесткая организация, контроль, подтягивание резервов и... потери – обязательные и большие. Попытка реализовать эту модель предпринимается и в наши дни. Однако, нынешняя ситуация отличается парадоксальностью: как и прежде, все еще нельзя без насилия, но и уже невозможно с насиллем.

Без сильного государства России не обойтись, как не обойтись без него любому современному обществу и человечеству в целом. Но сила его не может быть имперски-тоталитарной. Сила его может быть основана только на человеческой свободе.

Рациональность как жизненная компетентность

Свободные люди – не только собственники недвижимости и природных ресурсов. Это еще и самодостаточные, востребованные профессионалы, просто жизненно компетентные люди, знающие как эффективно распорядиться своей жизнью, знаниями, способностями.

Жизненная компетентность, в принципе, задается культурой. Все люди едят, работают, любят, но делают это разными способами, которые и есть культура – конкретный способ жизни. Культура – ни что иное как механизм порождения, накопления и трансляции социального опыта. В этом плане каждая культура – национальная, этническая, профессиональная, возрастная, дворовая, семейная – дает

ее носителям конкретную жизненную компетентность. Забрось жителя мегаполиса в амазонские джунгли или чукотскую тундру – долго он не протянет. А индейский или чукотский подросток будет знать, что и как делать. Но привези его в большой город, и он испытает мощный стресс. В наше время отложились уже и элементы общечеловеческой культуры. Знание английского языка, способность пользоваться современными компьютерно-информационными технологиями, гостиничным сервисом, водительские права, плюс профессионализм в конкретной сфере деятельности – и человек не будет испытывать особых проблем в любой стране.

Эта социальная «обученность» обеспечивается как явочным порядком (семейным воспитанием, общением со сверстниками, коллегами), так системой начального, среднего и высшего образования, системой права, государственными институтами социального управления и контроля, религией, искусством, СМИ, деятельностью общественных организаций. Все это позволяет личности адаптироваться к внешней среде, понимать и решать проблемы, с которыми она сталкивается на индивидуальном, семейном, групповом и других уровнях.

В условиях интенсивной трансформации общества, когда привычные нормы, традиции и стереотипы оказываются малоэффективными, личность нуждается в дополнительной поддержке, если не навигации. Речь идет о дополнительных мерах и усилиях, обеспечивающих:

- информирование;
- консультирование;
- инструктирование;
- разбор случаев (case studies).

В начале 1990-х годов учебный центр питерского объединения «Персонал» даже разработал целую программу под названием «Курсы жизненной компетентности». Что-то похожее, только в национальном масштабе, требуется и в наши дни. В этом также открывается реальное поле сотрудничества бизнеса и общественности, реальных Public Relations, социального партнерства свободных и ответственных социальных субъектов, способных сформировать, помимо прочего, и реально полезную и эффективную государственную власть.

Знание, рациональность вооружает в том смысле, что делает компетентным.

Сила и власть не сводятся к насилию. Английское power восходит к латинскому posse, что означает «быть способным». Речь идет, таким образом, о качестве, которое проявляется везде, в качестве основы жизненного процесса и только иногда проявляется в насилии.

Избавление от насилия может быть связано только с избавлением от бессилия. Это предполагает способность к распределению силы, власти и ответственности, чтобы любой член общества знал и чувствовал, что с ним считаются, и что от него что-то зависит, от его позиции и его усилий. Жизнь есть единство добра и зла. Нет «чистого добра», достигнутого в стороне от зла, независимо от него, а не вопреки ему, не в противодействии ему.

Особую роль в жизненной компетентности и профилактике насилия играет логика – ядро только интеллектуальной культуры. Логично – значит – рационально, конструктивно, значит – общезначимо, апеллирует к взаимопониманию и общепринятым правилам рассуждения. Логично – убедительно, потому что доказательно, реализуемо, потому как истинно. И потому логично – значит вменяемо и ответственно, так как проверяемо и конкретно. Не случайно стоики так сближали логику и этику. Логическая и нравственная культуры – две стороны единства человеческой свободы и ответственности.

Свободный человек относится к другому как к свободному, учитывая его интересы, вступает в диалог и ответственные отношения. И ему нужна логика. Самоуверенному полужнайке, самозванцу²⁰, знающему, как других сделать счастливыми помимо, а то и вопреки их воле, она не нужна. Его воля не ограничена (не определена) свободой. Поэтому он нетерпим. Ему нужны только идея, лозунги и действия. Свобода воли как воля к неволе. А кто не с нами, тот против нас. Другие для него – такие же невменяемые самозванцы – слушать их, говорить с ними – незачем. Единственный довод – «механический». Поэтому особое значение имеет раннее и интенсивное обучение логической культуре – по возможности в средней школе.

Толерантность (терпимость) – это, прежде всего, допущение существования иного, предположение возможности его существования. В наиболее зрелой форме она предполагает также согласование взаимных позиций. Если я терпимо отношусь к носителям иной этнической культуры, религиозных, политических, эстетических и прочих взглядов, норм, ценностей, то я допускаю их существование, признаю за ними такой же экзистенциальный (онтологический) статус, что и своих представлений. Иначе говоря, я признаю наличие чего-то общего с ними. Например, несмотря на наши различные с ними идентичности (*identity, die Identitaet*) я признаю нечто общее, что я разделяю с ними. Это может быть общая государственная и соответствующая правовая системы, язык, историческая судьба и т.п.

В этой связи не выглядит парадоксальным наблюдение М.Уолцера, согласно которому наиболее толерантным типом государственного устройства в истории является империя с ее надэтничностью, надконфессиональностью²¹. Имперское культурное наследие обладает существенным потенциалом развития открытого общества. В подтверждение этого тезиса можно привести содержание недавнего доклада Совету Европы о содержании и источниках идеи европейскости (европейской идентичности). Согласно авторам доклада, европейская идентичность включает в себя: мультикультуральность, демократию, толерантность, веру в исторический прогресс, права человека²². Причем источники формирования этих базовых ценностей авторы доклада возводят к Древнему Риму, Западно-Римской империи, империи Наполеона, экспансии Запада в Америке, Азии, Африке, Австралии, т.е. имперским началам, объединявшим западный мир.

Имперское по самой своей сути – общечеловеческое. Или претендует на таковое. В идее империи и в имперском наследии заложен парадокс. Все известные в истории империи (Александра Македонского, Древний Рим, Византия, империи древнего и средневекового Китая, Священная Римская империя, Австро-Венгерская империя) оставляли после себя великие культуры. Более того, можно утверждать, что цивилизационные прорывы в истории осуществлялись именно империями. В идее империи много конструктивного, объединяющего, способствующего снятию противостояний, раздробленности, развитию государственности и просвещению, формированию условий развития и совместного существования. Более того, опыт развития США показывает, что возможен империализм на базе демократических ценностей.

²⁰ См. Тульчинский Г.Л. Самозванство. Феноменология зла и метафизика свободы. – СПб., 1996.

²¹ Уолцер М. О толерантности. – М., 2000. См. также: Тульчинский Г.Л. Имперская культура как потенциал свободы // Империя и либералы. – СПб., 2001. – С.46–51.

²² In From the Margins. Contribution to the Debate on Culture and Development in Europe. A Report prepared for the Council of Europe. – Strasburg (Culture Committee of CE), 1997.

Оппозицией толерантности является нетерпимость в двух основных ее формах: пассивной и активной. Вектор реализации пассивной нетерпимости направлен на самого субъекта нетерпимости. Фактически речь идет о реализации эскапистской стратегии «ухода»: отказе от общения, покидании помещения, отъезде, переезде и т.п. Активная же нетерпимость всегда направлена на другого, проявляется в широком спектре насилия («механической аргументации»): от угроз до принуждения и прямого физического воздействия вплоть до лишения жизни. Любое насилие суть стремление к доминированию одной силы в ее противостоянии другой – вплоть до ее подчинения или уничтожения²³.

Особого внимания заслуживает соотношение и взаимосвязь пассивной и активной форм нетерпимости. Не обусловлена ли парадоксальность российского духовного опыта, сочетающего эскапизм и терпимость малой плотностью населения и возможностями миграции? Не случайно всякий раз в российской истории пространственные ограничения порождали взрыв социальной нетерпимости и насилия. Но в современной цивилизации решать социальные конфликты с помощью переселений народов, депортаций, этнических чисток уже невозможно. Мир стал мал, тесен, мы живем уже в быстро интегрирующемся информационном, экономическом, даже культурном пространстве.

«Космичная» рациональность свободы и ответственности

В свете изложенного можно признать, что логическая рациональность является интеллектуальным выражением и инструментом решения проблем без обращения к насилию²⁴, выстраивая баланс интересов и гармонизируя их в некую целостную систему.

Естественна человеческая потребность видеть мир осмысленным и справедливым, оправданным. Но на каких основаниях сравниваются сущее и должное, во имя каких интересов будет осуществлено в их единой плоскости действие? Проблема рациональности, сущности вещи, ее целостности и неповторимости, оказывается неотрывно увязанной с проблемой сущности – той же целостности и неповторимости – мира в целом. Более того, в силу этого, проблема сущности оказывается связанной и с проблемами свободы и ответственности. «Техническая» рациональность отбрасывает эти проблемы как иррациональные, не укладывающиеся в представления о технологии разумного. Поэтому и порождает безответственное самозванство. Природа, общество подвергаются насилию ради воплощения якобы прозанных закономерностей их же развития. И ответственность при этом снимается – ведь это природа и люди приводятся в соответствие со своей же сущностью. Иначе говоря, свобода понимается как произвол, навязываемый извне природе, обществу, человеку. Человек обязан принять некую схему, он так или иначе, но оказывается абсолютно несвободен в обосновании своих поступков. Но зато полностью свободен от ответственности за

²³ Антропология насилия. – СПб., 2001. – С.223.

²⁴ Эта констатация открывает широкую перспективу формулировки и анализа логических моделей толерантности – в рамках как классической, так и модальных логик. Собственно, именно к логическим и математическим моделям терпимости и справедливости и сводятся споры современных западных либералов. См.: Современный либерализм. – М., 1998; Sen A.K. *Collective Choice and Social Welfare*. San Francisco etc. 1970; Rawls J. *Theory of Justice*. – London, 1971. Правда, признание очевидной корреляции толерантности и логической культуры порождает новые вопросы. Например, распространяется ли толерантность в ее логической интерпретации на допущение противоречия? Означает ли оппозиционность нетерпимости и насилия – толерантности и логической корректности невозможность их логического анализа?

последствия и результаты. Ведь он действовал рационально, был всего лишь средством и орудием, исполнителем – не более. Тем самым «технический» рационализм лишает философию нравственности собственного поступка, сознательного и вменяемого действия.

Но рациональность и существенность связаны не только с целеустремленностью, но и с ограниченностью знания, которое суть ни что иное, как проявление попыток конечного, ограниченного в пространстве и времени существа (человека) понять и выразить конечными средствами бесконечное разнообразие мира. Эта ограниченность неизбежно проявляется в абстрагировании от одних свойств и выделении других, существенных в каком-то смысле (плане, цели) и образующих некоторую целостную выделенность вещи. Это означает, помимо прочего, и возможность за конечное число шагов построить, сконструировать, воссоздать данную вещь как единое целое. Поэтому, можно говорить еще об одном существенном свойстве рациональности – целостности и о другой традиции рациональности. Ее можно связать с античной идеей «космоса» – естественной гармоничной целостности мира, когда особое значение приобретает индивидуально-неповторимое – не абстрактный элемент множества, а необходимая часть целого, без которой целое – уже иное. Восточным аналогом этого типа рациональности является идея «дао»: дао-истины как дао-пути – единственного и неповторимого в гармонической целостности мира.

Этот тип рациональности связан с ныне почти забытыми категориями гармонии и меры. Понимание человеческого бытия в этой традиции – реализация не абстрактного общего, а части конкретного единства, что позволяет вполне рационально ставить вопрос о природе изначальной ответственности и не-алиби-в-бытии. Это ответственность не перед высшей инстанцией в любом ее обличье, не перед общей идеей и ее носителями, а ответственность за изначальную гармонию целого, частью (не элементом!) которого является индивидуально неповторимая личность, за свой – именно свой, а не воспроизводящий другие – путь и «тему» в этой гармонии мира.

В наше время все более явной становится зависимость «технической» рациональности от более фундаментальной «космической». «Космическая» рациональность не отменяет «техническую», а включает ее как средство рефлексии, осознания меры, содержания ответственности. Если сведение бесконечного и абсолютного к относительному и конечно сделанному ведет к бесчеловечному, то установка на беспредельное и абсолютное ведет к работе души и гуманности. Ответственность первична, ум и разум вторичны. Они суть средства осознания меры и глубины ответственности, меры и глубины включенности в связи и отношения, меры и глубины укорененности и свободы в мире.

«Космическая» рациональность не отбрасывает «техническую», ее аппарат. Познать меру и глубину ответственности человек может только традиционными методами (теоретическое знание, моделирование и т.д.). Но меняется вектор. Не ответственность ради рационального произвола, а разумность как путь осознания меры и глубины ответственности. Одновременно смещается акцент: с частичной эффективности на целостную гармонизацию, с цели на используемые средства, с поиска первопричины на выявление следствий, а значит и – с воли на ответственность. Традиционный путь – путь произвола и самозванства, путь разрушения природы, человеческих связей и душ. Другой путь – путь свободы и ответственности, путь утверждения бытия и гармонии – в душе и с миром. Либо прав Ф.М.Достоевский и «ум – подлец, потому как виляет» в способности оправдать что угодно, либо надо уметь им пользоваться.

Необходимость гуманитарной экспертизы

Космичная рациональность целостности изначально ориентирована на выстраивание баланса и гармонизацию взаимодействий, что само по себе не предполагает насилия. Можно сказать, что идея толерантности является проявлением этой идеи рациональности. В этих условиях сама техническая рациональность приобретает характер инструмента выявления возможных следствий и последствий, ответственности за них. Поэтому особое значение приобретает возможность оценки проектов и решений, процедура которой использовала бы потенциал техничной рациональности для реализации установки рациональности космичной.

Особую актуальность приобретает определение социально-психологических предпосылок выстраивания оптимальных и эффективных отношений в обществе, консолидация и оптимизация интересов всех участников социальной жизни. Экономика, также как и политика и образование – не самодостаточны, а имеют своей конечной целью человека.

Показательна главная тенденция процессов в самых различных областях жизни, а именно – их все более очевидной зависимости от личностного (персонологического) фактора. Это все большая зависимость политической жизни от личности лидеров, учета личностных ожиданий граждан. Это и все более гуманитарная зависимость современной деловой активности: все более индивидуализированный характер маркетинга, рекламы²⁵, персонал-ориентированные технологии менеджмента, PR и формирование корпоративных культур, репутационный менеджмент и т.д.²⁶ Только уникальное глобально. Источник всего разнообразия современного единого мира (единого в своем разнообразии и разнообразного в своем единстве) коренится в сердце души каждой уникальной личности.

Эта общая тенденция выражена и в эволюции философствования последних двух столетий: от онтологии к гносеологии и далее через аксиологию и культурологию к персонологии. Человеческая личность – цель, средство и результат любых общественных процессов и преобразований. Поэтому учет возможных последствий для перспектив личностного развития – принципиально важен.

В мировой правовой системе произошел сдвиг, может быть – самый значительный за всю историю²⁷. Суть этого сдвига в том, что неотъемлемые права человека приобретают наднациональную юридическую значимость. Речь идет именно о, похоже, необратимой динамике. От экономики, политики право в мировом масштабе шагнуло в обеспечение гарантий национально-этнической культуры. Повсеместно

²⁵ См. например: *Нордстрем К., Риддерстрале Й.* Бизнес в стиле фанк. Капитал пляшет под дудку таланта. – СПб., 2000.

²⁶ *Пертинова С.В.* Культура в системе развития деловой активности. Ч. I. Бизнес, менеджмент и культура. Ч. II. Культура и личность в современном менеджменте. – СПб.: СПб ГУКИ, 2001.

²⁷ Еще в начале XX столетия право было озабочено соблюдением норм социальной жизни в экономической, политической сферах преимущественно. Нарушение прав национально-этнического плана не становилось вопросом правовой экспертизы. Например, армянский геноцид так и не стал в свое время предметом правовой оценки. Но уже Холокост расценивался Нюрнбергским процессом как преступление против человечности. В 1993 г. решением Совета Безопасности ООН был создан Гаагский трибунал по преступлениям в бывшей Югославии, а в 1994 г. – трибунал по преступлениям, совершенным во время гражданской войны в Руанде. В 1998 г. – принято решение о создании Постоянного международного уголовного суда по военным преступлениям, преступлениям против человечности и геноцида. Более того, международное сообщество вернулось к правовой оценке армянского геноцида начала XX в. В Польше прошла острая национальная дискуссия по оценке активного участия польского населения в уничтожении евреев на территории Польши в годы гитлеровской оккупации. Дискуссия завершилась публичным принесением Президентом Квасневским покаяния от имени польского народа.

активизировались правозащитные движения, все более гуманными становятся законодательства и пенитенциарная система. Яркий пример тому – запреты или моратории на применение смертной казни. То есть, право закрепилось уже и на уровне гарантий существования отдельной личности²⁸. Похоже, назревает следующий шаг – к сердцевине гуманитарности. Речь идет отнюдь не только о гарантиях свободы вероисповедания и прочей культурной идентичности. Это гарантии предыдущих уровней. Речь идет о свободе доличностного уровня. Яркий пример – проблемы аборт и использования генной инженерии, клонирования и т.п. Все они связаны с правовой защитой еще не сформированной личности, некоей возможности личности.

Поскольку право, закон – формализованная часть нормативно-ценностного содержания культуры, нравственности, фиксируя в «сухом остатке» закрепляемые нормы социальной жизни, то общая динамика гуманитарной культуры за последнюю сотню лет становится тем более очевидной. В условиях интенсивной трансформации современного общества, острых межкультурных и социальных напряжений решающим оказывается учет пресловутого «человеческого фактора», духовного опыта и мотивации, развитости «человеческого капитала», эффективности социальных инвестиций. В современном обществе речь уже не может идти просто об условиях физического выживания или даже обеспечения социальной справедливости. На первый план выходят представления о качестве жизни – полноценной жизни и личностном благополучии, складывающихся не только из денег и здоровья, но благополучия психологического, возможностей самоопределения этнического, конфессионального, возрастного.

В этой ситуации назревает необходимость введения в социальную практику института гуманитарной экспертизы (ГЭ), позволяющей оценивать возможные последствия (позитивные и негативные) принимаемых решений для развития личности²⁹.

Специфика ГЭ вытекает из особенностей гуманитарного знания. При оценке эффективности социальных проектов в контексте их целесообразности в плане оценки перспектив личностного развития, ГЭ ориентирована, прежде всего, на выявление возможного нарушения баланса социальной безопасности и свободы.

Социальная безопасность связана с реализацией уровней инфраструктуры личности: обеспечение жизни, здоровья, сохранения и развития культуры и соответствующей идентичности, развития экономической и политической систем. Однако эти уровни рассмотрения и соответствующие критерии носят относительный характер. Абсолютным критерием ГЭ оказывается обеспечение возможности самоопределения – свободного ответственного выбора.

ГЭ оценивает любую деятельность с точки зрения ее последствий для человека – как целого (социум) и как индивида. Ее главными особенностями являются: нормативно-ценностное содержание; персонологический характер; ориентация на обеспечение баланса интересов и консолидации общества; ориентация на обеспечение возможности социально ответственного личностного выбора (самоопределения);

²⁸ В этой связи стоит отметить все большее расхождение российской правовой системы с быстро меняющейся мировой правовой культурой. Например, мы все более отдаляемся от исторически неизбежной правосудной и политической оценки преступлений большевизма, сталинского режима и КПСС перед собственным народом. Общественное мнение резко негативно относится к защите прав человека, к ограничению смертной казни.

²⁹ 11–13 июня 2004 г. в Звенигороде прошел круглый стол, фактически – мозговой штурм, посвященный перспективам институционализации гуманитарной экспертизы, в котором приняли участие известные отечественные и зарубежные психологи, философы, лингвисты.

комплексность и междисциплинарность. В определенном смысле ГЭ – разновидность мета-консультирования в духе А.Маслоу. Она позволяет не только оценить опасности конфликтов, но и создать основу согласования интересов – не в политической и экономической сферах, а их предпосылке – сфере представлений о жизненных целях и критериях. Только учет таких долговременных и интегративных целей позволяет консолидировать общество, разрешать социальные конфликты (в том числе – застарелые), обеспечить профилактику экстремизма. Наконец, ГЭ – сфера реальной востребованности еще сохраняющегося интеллектуального потенциала российской науки, поле реального социального партнерства общества, бизнеса и государства.

В качестве потенциальных заказчиков ГЭ могут выступать: федеральные и региональные законодательные органы; федеральные и региональные органы исполнительной власти; судебные и правоохранительные органы; армия; общественные организации: партии, движения; НКО, особенно – профсоюзы; бизнес-структуры и бизнес-объединения; частные лица и группы граждан.

Формирование, развитие и продвижение такой социальной технологии, как гуманитарная экспертиза – процесс долговременный, решающим образом зависящий от формирования общественного мнения, инициирования принятия соответствующих нормативных актов, разработки необходимых индикаторов, подготовки специалистов-экспертов. Однако для внедрения и продвижения социальной экспертизы в современном российском обществе созрели все необходимые и достаточные условия:

- социальная ориентация экономических и административных реформ;
- заинтересованность всех слоев общества в повышении качества жизни;
- стремление к консолидации общества;
- необходимость преодоления и профилактики межкультурной и социальной напряженности;
- формирование социально ответственного бизнеса;
- оптимизация социальных бизнес-инвестиций;
- формирование общественного мнения, признающего правовую и нравственную легитимность новых собственников;
- осознание важности преодоления патернализма и иждивенчества, формирования личной ответственности за свой выбор.

Дело только за самоорганизацией профессиональной среды и эффективной реализацией имеющихся предпосылок.

Наше время – время осознания предела традиционного «технологического» разума и рациональности. Все более сужается поле самозванства рационалистического активизма, которое человечество может допустить и позволить в технике, политике и даже – в науке. Познание сущности явлений, существенность знания оказываются проявлением специфически человеческого измерения бытия – свободы и ответственности в гармонической целостности сущего.

Недостаток знаний, «техническая» непонятность и «иррациональность» не освобождают от ответственности «космической». «Техническая» ответственность не отбрасывается, а рассматривается как действительно техническое средство познания своего места и пути в «космосе». Причем сама ответственность приобретает изначально рациональный характер. Она иррациональна или «более чем рациональна» в традиционно-техническом плане. В плане же космическом она рациональна просто. Она только «инорациональна».

К новой метафизике нравственности

Осмысление действительности не сводимо к осознанию «сделанности» вещей и явлений. А идея не сводима к программе эффективной (успешной) деятельности. Все это, разумеется, составляет ткань осмысления, но оно вторично. Идея – суть познание меры и глубины свободы, а значит – меры и глубины ответственности. Разум и рациональность – вторичны. Первична ответственность как соотнесение с другими, с миром, совесть как признание их прав, диалог с ними. Человеческое бытие суть со-бытие, а сознание – не что иное, как совесть. В сознании (совести) реализуется личная экзистенция человека, оно требует личных усилий понимания происходящего, в то время как разум нуждается только в ясном выражении знаний и соблюдении объективных правил оперирования ими.

Долженствование человеческого действия не определяется однозначно истинностью имеющегося знания и теоретического рассуждения. Первично не сознание и мышление, а сама практическая жизнедеятельность, стороной которой они являются. Теоретичность и рациональность не цель, а лишь средство, даже – одно из средств обоснования человеческих поступков. Мир человека – мир личностный, не случайный, весь наполненный ответственным выбором. И центром, «точкой сборки» этой ответственности является личность, занимающая неповторимое, а значит и ответственное, место в ткани бытия.

Эту силу и значение индивидуализированной личности неявно признает и абстрактный рационализм, апеллирующий к личной ответственности, спрашивающий с личности ее самоотречение и подчинение. Однако принцип личной ответственности в любой форме предполагает безусловное признание абсолютно свободной воли. Отказ от признания свободы выбора означал бы крушение любой этической системы, нравственности и права. Единственность и первичность ответственности личности за любые проявления своей активности – краеугольный камень любого права и любой нравственности.

По глубокому замечанию М.М.Бахтина, воля и долженствование внеэтичны, первичны по отношению к любой этике или другой системе ценностей и норм (эстетической, научной, религиозной и т.д.). Согласно Бахтину, конкретные этические, эстетические, научные и т.д. нормы «техничны» по отношению к изначальному долженствованию человеческой жизнедеятельности³⁰. В принципиальном разведении понятий этической нормы и долженствования М.М.Бахтин един во взглядах со своим старшим братом Н.М.Бахтиным³¹, что, с учетом духовной близости братьев и глубины духовных поисков, свойственной их кругу, говорит о глубокой продуманности этой идеи. Действительно, абсолютизация этики ведет, как это показал опыт Ницше или «подпольного человека» Достоевского, к нигилизму. Бесконечная необходимость обоснования «должен» какими-то нормами есть следствие самой природы теоретического обоснования, уходящего в бесконечную череду мета-мета-мета... метауровней.

Поиски «универсальной», «первичной» этики заведомо абстрактны и пусты. Этика – лишь одно, хотя и важнейшее проявление первичного долженствования в человеческом поведении. Согласно Бахтиным, вообще нет содержательного долженствования, но долженствование может сойти на любую содержательную значимость. Речь идет не о выводе ответственности как следствия, а об онтологической изначальности ответственности. Глубина этой концепции заключается

³⁰ Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984–1985. – М., 1986.

³¹ Бахтин Н.М. Из жизни идей. Статьи. Эссе. Диалоги. – М., 1995.

именно в подчеркивании первичности, принципиальной неизбежности не-алиби-в-бытии человека, первичности его ответственности по отношению к любым формам активности.

Идею о внеэтичности долженствования интересно сопоставить с, на первый взгляд, диаметрально противоположной концепцией А. Швейцера о первичности этического по отношению к мировоззренческому и поступочному. Само содержание этического А. Швейцер видел в ответственном самосознании, находя его конечное выражение в «благоговении перед жизнью». Но, по сути дела, и в этом случае речь идет, фактически, о том же: изначальном человеческом не-алиби-в-бытии и первичности, фундаментальности жизненного начала перед разумом.

Не «мыслю, следовательно – существую», а «существую, следовательно – мыслю». Первичны не онтологические допущения разума, а связь с бытием в мире и с другими, изначальная ответственность. Разум и рациональность сами по себе непродуктивны. Таковыми они становятся только в случае «ответственной участности» личности, не в отвлечении от нее в «общее», а наоборот – в отсчете от ее «единственного места в бытии». Поступок объясним не из своего результата или рациональности, оправдывающей достижение именно данного результата данными средствами, а только изнутри «акта моей участности» в жизни.

Вменяемый, то есть ответственный и рационально осмысленный поступок есть действие должнующей единственности человеческой жизни. То, что может быть совершено мною – никем и никогда не будет совершено – вывод этот принципиально важен. Во-первых, он утверждает нелинейность поступка, который всегда совершается здесь и сейчас и необратим, поскольку создает новые реалии. Во-вторых, только с этих позиций можно объяснить, как происходит «скачок» из царства сознания и мышления в царство реальности при совершении поступка: единственность наличного бытия нудительно обязательна.

Ответственность неустранима из человеческой жизни. Не потому поступок ответственен, что он рационален, а потому он и рационален, что ответственен. Поступок не иррационален, он просто «более чем рационален – он ответственен». Рациональность – только момент, сторона ответственности, как мера ее масштабов и глубины. Она не что иное, как объяснение и оправдание поступка как до, так и после его свершения.

Не означает ли первичность ответственности по отношению к традиционной рациональности ее иррациональность или уж по крайней мере – внерациональность? Ведь существует рационалистическая традиция оценки ответственности, греха, покаяния, вины – как категорий иррационального. Не зависит ли ответственность в бесосновности? В конце концов – перед кем ответственность?

Человек не может жить в бессмысленном мире. Его жизнь в мире и сам мир должны быть понятными, понятыми, объясненными и тем самым оправданными.

В соотношении долженствования и объективности разум играет принципиальную, но посредническую роль. Нерв различия, одновременно – противопоставления и – в соотношении разума и ответственности. Если ответственность – следствие разума, вторична по отношению к рациональным схемам, производна от них, то итогом будет рационалистический утопизм, переходящий в практику бюрократического тоталитаризма. Если разум есть следствие ответственности, путь познания ее меры и глубины, то итог – сознание долга свободной личности.

Но ответственность, долг и вина личности абсолютны и изначальны, а любые ее заслуги и успехи относительны. Внутренним гарантом чувства собственного достоинства является долг, самоотдача, самоограничение, буквально – самоопреде-

ление (постановка себе предела, «черты») личности. Но это долг, «воля к неволе» – не навязываемые извне, «требуемые» с личности. Это ее «не могу иначе», осознанное ею собственное призвание и нравственный выбор. Нравственен только долг «внутренний», взятый на себя самим человеком, а этика долга возможна только в качестве «внутренней», субъективной, применительно к самому себе, когда ты оказываешься обязанным всем, но тебе – никто.

Необходим радикальный переход к новому пониманию человека. Или он – самозванец, стремящийся к экспансии, агрессии, насилию и убийству как крайней форме самоутверждения. В этом случае он может сдерживаться только встречным насилием себе подобных, объединяющихся для защиты – внешней и внутренней. Насилие порождает новый виток насилия, зло порождает зло тем более активное, чем активнее встречные импульсы. Такое самозванство возникает на почве бессодержательного «cogito», растворяющего в себе не только других людей, но и мир вообще. Основой мира, его онтологическим допущением становится акт мысли. Другие – лишь проекции моего Я. Существование выводится из собственно мысли – вот, что такое самозванство абстрактного рационализма.

Или же я связан с другими и миром? И потому мыслю, что един с ними, а не потому един, что мыслю? Сущность человека с этой точки зрения не «технична», а «космична» – в его единстве и сопричастности целостной гармонии мира, в его зависимости от других в собственном самоутверждении, в невозможности самоутверждения без других, но не за счет других, а в силу других, в их необходимости и неизбежности. На передний план выходят не элементарные отношения типа «субъект–объект», «причина–следствие», «элемент–множество», «цель–средство», а системная взаимность – собор со всеми в человеческой душе.

Не человек – раб идей, а идеи – одна из форм его бытия в мире. Разум, знания, логика – универсальны и бесчеловечны. Новизна состоит в том, что этот факт до конца открылся только в нашем столетии, к концу которого не только бытийно установилась их бесчеловечность, но они и человечески обесценились – были выведены за пределы человека в компьютерные информационные системы, стали общедоступным достоянием, техническим средством, перешли из плана культуры в план цивилизации, «технэ» – без и вне человека. Теперь это уже окончательно стало ясно. Современный человек, если он еще желает быть таковым, а не техническим средством цивилизации, должен осознать себя «космически» – не суммой знаний и умений. Также и современная культура не есть набор технологий, их знаков, программ деятельности и групповых интересов. Современная культура, если она хочет быть, возможна как путь возвышения человека, как культура духовного опыта, освобождающего от самозванства.

Это и есть выход к новому пониманию человеческого. Ответственность, которую постиг человек, ставший внутренне свободным от мира, и которую он пытается реализовать в жизни, – это и есть этика. Свобода от мира – не что иное, как ответственность за него. Чем шире зона моего автономного поведения, тем шире зона ответственности. И наоборот: та сфера, которую я беру на себя, за которую ответственен, – и есть сфера моей свободы, а человек тем этичнее (свободнее-ответственнее), чем шире эта сфера. Традиционные общества ограничивали ее своим этносом, позже ее ограничивали расой, нацией, классом. А Швейцер распространял этическое поведение на все живое. В наши дни этическое самоопределение в смысле очерчивания предела свободы и ответственности распространяется уже практически на весь мир. Для общества и для личности в нынешних условиях научно-технического прогресса они совпадают, включая среду обитания не только одного человека, но и природу в целом.

Поэтому именно с «космической» рациональностью, с представлениями о гармонической целостности мира и ответственности индивида за свой неповторимый путь в этом едином целом могут быть связаны перспективы человечества. И «лента Мебиуса» долга, чести и ответственности связывает внешнее и внутреннее, общество и личность в сердце души – чувствилище свободы и ответственности.

Бог умер, но умер и сверхчеловек. Нет никого, кто каждому бы указал истинный путь добродетели. Этот путь, путь к другим, начинается в сердце каждого, и пройти его, осознав свою ответственность и единство, – дело работы ума и души каждого и самого.

Мультикультурализм, бумеранг толерантности и гуманитарный стресс

Культура толерантности, вышестоявшая в субкультуре научных сообществ в наши дни перешла в другие ткани социальной жизни: политическую демократию, правовое государство и гражданское общество, нашла свое выражение в стилистике и эстетике постмодернизма. Более того, главной и существенной характеристикой культуры современного общества выступает мультикультурализм, основанный на толерантности различных культур и субкультур по отношению друг к другу и обеспечении гарантий их взаимопризнания и сосуществования. ЮНЕСКО объявило с 1999 года десятилетие Культуры мира как культуры толерантности и ненасилия.

Однако полная общецивилизационная виктория научного этоса и рациональности неожиданным и парадоксальным образом ударила по самой науке. В постмодернистском мультикультуральном обществе наука предстала одной из равновозможных нормативно-ценностных систем. Бумеранг толерантности вернулся к самой науке, лишив ее в общественном мнении ореола исключительности и продвинутости, права на авторитет и третейский суд. Более того, логос был отождествлен с принуждением и маскулинным насилием. Почти как в известной русской поговорке: «За что боролись, на то и напоролись».

Хотя, честно говоря... Думается, нынешние слухи относительно кризиса логоцентризма и рационализма в современной культуре сильно преувеличены. Можно сколько угодно интересно, ярко и «со страшилками» говорить и писать об этом. Но следует все-таки помнить, что в основе всей современной культуры и цивилизации, как ни крути, но лежит именно научная рациональность. Именно она, треклятая и убогая рациональность, позволяет пользоваться плодами цивилизации, в том числе и создавая развесистые симулякры. В основе ЭВМ, как IBM PC, так и столь любимых постмодернистами MacIntosh'ей, лежит убогая бинарная логика, причем не только в программном обеспечении, но и буквально «в металле», поскольку именно «ограниченные» законы логики моделируются в чипах, и либо сигнал проходит, либо нет, а третьего не дано. И именно эта убогая бинарная логика и создает возможности нового «нелинейного» письма.

Другой разговор, что рациональность и «бинарность» настолько глубоки и изощренны, что способны принять вид симулякра, новой телесности и прочей крутой виртуальности. Призывы к новой архаике и заклинания логоцентризма в известной степени обусловлены общей впечатлительностью и научно-технической необразованностью большей части гуманитарной общественности, ее некомпетентностью при столкновении с современной цивилизацией, вводящей их в стресс, если не шок.

Как в свое время жившие в доселе понятном им мире племена, столкнувшись с европейской цивилизацией, воспринимали ружье как «огненную палку», так и нынешние некоторые гуманитарии принимают имидж и рекламу за реальность, не зная, кем, как и зачем она сделана. А их создатели в Силиконовой Долине, Сигэтле

или Денвере могут позволить себе веселиться, глядя на деконструктивистское ломание игрушек, устройство которых уже не понять вполне взрослым дядям и тетям. И какая-нибудь очередная страшилка (герминатор, трансформер, тамагучи и т.п.), сделанная на потеху детям, даст гуманитариям пищу для очередного откровения и культурологического обобщения.

Но здесь мы, как бы описав некий круг, возвращаемся к началу данной работы – к роли научно-технического прогресса в развитии современной культуры и цивилизации, но это уже совсем другая тема, хотя проведенное рассмотрение, как представляется, позволило подойти к ней с несколько неожиданной и нетривиальной стороны.